

И.Н. ТАРАСОВ*

**ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ВЛАСТЬ В СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИГРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДИЗАЙНЕРОВ
ИЛИ ПОИСК РАВНОВЕСИЯ?**

Аннотация. Объектом изучения выступают 14 относительно целостных политических систем Центральной и Юго-Восточной Европы. Социально-политические процессы в этих полициях протекают с разной интенсивностью, обуславливая тот или иной образ институционального дизайна. Одной из главных проблем посткоммунистической Европы до сей поры остается вопрос о взаимодействии и эффективности разных институтов власти, прежде всего президента, парламента и правительства. Можно выделить как минимум три важнейшие критические точки институционального развития данных политий в XX в.: конституционный процесс 1910–1920-х годов, становление «народных демократий» и посткоммунистическая трансформация. В силу разных причин превалирует институциональный импорт «из прошлого». С позиции теории рационального выбора основными конкурентами в критических точках развития были: республика и монархия, президенциализм и парламентаризм, диктатура и демократия. Анализ процессов трансформации конституционного законодательства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы позволяет выявить две модели: реконструкция и демонтаж. В статье приведены результаты сравнительного анализа объемов президентской власти с помощью индексов по методике А. Кроувела. Институциональный выбор в посткоммунистической Европе ограничен не только конъюнктурой транзита, но и невозможностью выхода за пределы республиканизма, теории парламентского и полупрезидентского правления. Это объясняется не столько рациональностью выбора, сколько отсечением альтернатив, повышающих транзакционные

* **Тарасов Илья Николаевич**, доктор политических наук, профессор, профессор института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, e-mail: ITarasov@kantiana.ru

издержки политических акторов. Институциональные интересы акторов в условиях посткоммунизма оказались напрямую связанными с желанием добиться, сохранить или упрочить свое привилегированное положение. Отсюда широкие практики манипулирования институтами. Манипулятивные возможности, предоставляемые институциональным дизайном посткоммунистических стран Европы, обратно пропорциональны укорененности важнейших институтов политической демократии.

Ключевые слова: президентская власть; Центральная Европа; Юго-Восточная Европа; институциональный дизайн; посткоммунизм; импорт институтов.

Для цитирования: Тарасов И.Н. Президентская власть в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: игры институциональных дизайнеров или поиск равновесия? // Политическая наука. – 2019. – № 4. – С. 127–150. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.04>

Посткоммунистическая Европа представляет собой обширное геополитическое пространство, которое, однако, не составляет единого региона. Вместе с тем это пространство обладает общностью исторической судьбы, не в последнюю очередь связанную с опытом строительства социализма, демократического транзита и обновления государственности. Сегодня в Центральной и Юго-Восточной Европе с той или иной степенью успешности функционируют 14 относительно целостных политических систем. Социально-политические процессы в этих политиях протекают с разной интенсивностью, обуславливая тот или иной образ их институционального дизайна.

Выяснение качественных характеристик президентской власти в Центральной и Юго-Восточной Европе следует начать с конкретизации различий двух полярных систем: президентской и парламентской. Для «чистого» президентизма характерно четкое разделение юрисдикции парламента и правительства, а для парламентаризма – частичное слияние законодательных и исполнительных функций. В президентской системе глава государства избирается непосредственно гражданами путем прямых или косвенных выборов. Девиации непрямого избрания президента встречаются нечасто, там, где порядок избрания главы государства не умаляет его широких, а иногда диктаторских полномочий. Обратные девиации чаще встречаются в парламентских системах с прямыми выборами президента. При этом нельзя умолчать о почти закономерной тяге таких президентов в парламентских системах к расширению, иногда внеконституционному, собственных полномочий. При президентском правлении исполнительная власть принадле-

жит президенту, который возглавляет правительство, при этом функции президента как главы государства и главы правительства четко не разграничиваются. Институционально это выражается в отсутствии поста премьер-министра. Однако в современном мире чаще встречаются так называемые неклассические президентуры, в которых исполнительную власть возглавляет премьер-министр. Формально президент – глава государства, но нередко «неклассический» президент имеет возможность не только вмешиваться, но и непосредственно руководить работой правительства. В президентской системе глава государства формирует правительство самостоятельно. В реальной политической практике либеральных и даже нелиберальных демократий самостоятельность президента в процессе формирования состава кабинета нередко ограничена неформально мнением влиятельных однопартийцев, парламентариев, финансово-промышленных групп, лоббистов и проч. Вопрос об ответственности правительства – один из самых дискутируемых в политической жизни не только полупрезидентских республик, но и «чистых» президентур. Почти повсеместно хотя бы минимальная мера ответственности правительства перед легислатурой (в форме отчета) закреплена если не конституционно, то законодательно. Здесь же следует отметить, что при президентализме член кабинета не может одновременно быть депутатом парламента. Это ограничение, как правило, выдерживается. Если парламентское правление предусматривает право главы государства распустить парламент, то в президентской системе такой нормы нет. Вместе с тем вопрос о праве президента на роспуск парламента часто решается в связи с правом парламента на импичмент президента. Такая девиация возникает в процессе поиска институционального баланса. Президентское правление предусматривает, в отличие от парламентского, наделение главы государства правом «абсолютного» (почти непреодолимого парламентом) вето. В действительности, вето президента может быть различным в отношении разных актов, что свидетельствует об эрозии «президентского абсолютизма». Различающиеся качества характерны для так называемых «чистых» типов парламентаризма и президентского правления, относительно редко встречающихся в политической практике. Чаще мы наблюдаем комбинацию не исключających друг друга черт или девиацию отдельных параметров.

С точки зрения конституционного процесса одной из главных проблем посткоммунистической Европы до сей поры остается вопрос о взаимодействии и эффективности разных институтов власти, прежде всего президента, парламента и правительства [Гаджиев, 2018]. В Центральной и Юго-Восточной Европе нет ни одной президентской республики. Большинство – парламентские системы, лишь Польша, Черногория, Хорватия (в 1991–2001 гг.) и Республика Сербская в составе Боснии и Герцеговины могут быть безоговорочно отнесены к полупрезидентским системам. Некоторые правоведы-конституционалисты относят к полупрезидентским системам Румынию, Болгарию и Словению, указывая на ряд специфических особенностей [Semi-Presidentialism... 2012; Brunclík, Kubát, 2019]. Задача определения формы правления осложняется тем, что в этом ареале мы имеем дело с разными по степени устойчивости государственными образованиями. Определенно, большинство из них являются состоявшимися государствами, включая такие параметры, как полнота суверенитета и международное признание. Вместе с тем Босния и Герцеговина располагает ограниченным суверенитетом, а уровень институционального оформления составных частей государства (Республика Сербская, Федерация Боснии и Герцеговины, Округ Брчко) существенно различается. Известны проблемы международно-правового статуса Республики Косово и ее границ [см.: Золов, 2015]. Весьма существенную исследовательскую проблему представляет изучение низкоинституционализированных территориальных образований на постъюгославском пространстве. Речь идет о сербских автономных областях в Хорватии (Книнская Краина, Западная Славония, Восточная Славония), хорватской Республике Герцег-Босна, сербских общинах Косова (Ибарский Колашин, Штрпче), албанских общинах Прешевской долины. Целесообразно эти случаи выделить в отдельную категорию, изучение которых требует арсенала политической конфликтологии. Они сравнимы между собой, однако почти не поддаются сопоставлению ни с одним из случаев этнотерриториальной конфликтности вне постъюгославского ареала (проблемы Комарнянского края в Словакии, восстановления венгерского национального автономного района в Румынии, территориальной идентичности мораван в Чешской Республике или силезцев в Польше).

Фонд мира опубликовал ежегодный доклад за 2019 г., в котором приведен индекс недееспособности государств, учитывающий кроме прочего их институциональную устойчивость. Чем выше место в рейтинге 178 политий и чем ниже индекс недееспособности, тем стабильнее государственность.

Таблица 1

**Индекс недееспособности государств Центральной
и Юго-Восточной Европы (на 2019 г.)**

<i>Политическая система</i>	<i>Место в рейтинге</i>	<i>Индекс недееспособности</i>
Словения	163	28,0
Чешская Республика	154	37,6
Словакия	148	40,5
Польша	144	42,8
Хорватия	138	47,5
Румыния	137	47,8
Венгрия	134	49,6
Болгария	132	50,6
Черногория	125	55,3
Албания	121	58,9
Северная Македония	111	64,6
Сербия	102	68,0
Босния и Герцеговина	86	71,3

Источник данных: Fragility in the World 2019. – Mode of access: <https://fragilestatesindex.org/> (Дата посещения: 10.06.2019.)

В отношении Косово оценка не проводилась, а все другие государства Центральной и Юго-Восточной Европы получили статус стабильных образований. Хотя в зону риска попали Босния и Герцеговина, Сербия и Северная Македония, ни одна из этих стран не находится в угрожающем состоянии. Как минимум у нас есть основание для более детального сопоставительного анализа состояния президентской власти в политиях Центральной и Юго-Восточной Европы.

Для новых государств выбор формы правления – существенная институциональная проблема. Весьма удачным представляется предлагаемое П.В. Пановым разделение истории на «нормативные периоды», когда институты остаются стабильными, и на «критические точки», во время которых открывается возможность серьез-

ных институциональных изменений [Панов, 2006, с. 59]. Для стран Центральной и Юго-Восточной Европы в XX в. можно выделить как минимум три важнейшие критические точки: конституционный процесс 1910–1920-х годов, становление «народных демократий» 1940-х и посткоммунистическая трансформация конца 1980-х – начала 1990-х годов. Кроме того, стоит учитывать вторичные переходы к демократии и процессы постконфликтного урегулирования в отдельных политиях. Нормативные периоды в странах Центральной и Юго-Восточной Европы относительно коротки, можно даже сказать, что путь институционального развития этих государств проходит от одной критической точки к другой. При этом часто учреждаемые институты оказываются сформированными частично, не успевают обрести необходимой функциональности. Особого внимания заслуживают процесс европейской интеграции и оценка его влияния на функционирование политических институтов в начале XXI в. Данная проблема выходит далеко за пределы исследовательского вопроса этой статьи.

Выбор основных механизмов создания формальных институтов небогат: легализация неформальных институтов или импорт (трансплантация). Легализация неформальных институтов требует однородного понимания акторами сути этих институтов, достаточной легитимности, она сопряжена с трудностями отбора институтов, подлежащих формализации, а также со значительными транзакционными издержками [Тарасов, 2010, с. 84]. Как правило, легализуются те неформальные институты, которые уже стали своеобразными в повседневной практике. Импорт формальных институтов осуществляется (1) из какой-либо теоретической модели («из идеи»), (2) по образцам, когда-то существовавшим в истории страны, но затем исчезнувшим («из прошлого»), (3) по образцам из других стран [Институциональная политология... 2006, с. 67]. В Центральной и Юго-Восточной Европе в критических точках использовались перечисленные источники учреждения формальных институтов, но всегда селективно. Чаще здесь формальные институты внедряются выборочно и крайне редко полностью. Забегая вперед, скажем, что импорт «из прошлого» в силу разных причин превалирует.

Исторически президентализм противопоставлялся монархии. 14 апреля 1849 г. Лайош Кошут был провозглашен правителем-президентом независимой Венгрии. Пожалуй, это был первый

случай в Центральной и Юго-Восточной Европе, когда институт президента прямо связывался не только с республиканским проектом, но и с идеей национального освобождения. Отношение к институту президента как к олицетворению единства нации хотя и не является исключительной характеристикой Востока Европы, но имеет существенное символическое значение. Одновременно слабость демократических начал связывает президентство с альтернативой монархии. Отсюда конкуренция монархического и президентского правления. Так, в Албании в 1912–1914 гг. республиканский проект Исмаила Кемали сменился монархическим проектом Вильгельма цу Вида (Скандербег II), а президентство Ахмета Зогу завершилось созданием королевства. В Венгрии, после упразднения Габсбургской монархии, президентизм (1918–1919) погиб в огне гражданской войны, а в 1920 г. произошла формальная реставрация монархии. Режим регентства в Венгрии иллюстрирует институциональный тупик национальных диктатур в отношении выбора формы правления.

В историческом измерении президентская власть выступает альтернативой Республике Советов. Так, в 1919 г. в пределах исторической Венгрии конкурировали буржуазные и советские республики, Чехословакия и Словацкая советская республика. Здесь же можно вспомнить казус Республики Прекмурье как ответ словенских националистов на установление советской власти на части территории Венгрии. В начальный революционный период президентская власть во многом связывалась с парламентским правлением и конституционными основами государства [Mettenheim, 2011, p. 53]. Начальник государства (1918–1922) в Польше с принятием постоянной конституции (1921) и выборами в сейм, который избрал президента республики, сложил с себя полномочия. Чехословацкий национальный комитет, созданный в июле 1918 г., опирался на относительную легитимность результатов имперских выборов 1911 г. и провозгласил 28 октября 1918 г. создание нового самостоятельного государства, а уже 13 ноября 1918 г. была принята Временная конституция Чехословакии. Согласно положениям этого документа главой чехословацкого государства являлся президент. Революционное Национальное собрание Чехословакии, сформированное на основе Национального комитета, 21 ноября 1918 г. избрало главой государства Т.Г. Масарика.

Поиск оптимальной институциональной модели государственного устройства вполне адекватно может быть описан с позиции теории рационального выбора, широко распространившейся в политической науке еще в 1970-х годах. Понятие рациональности непосредственно связано с категорией «полезность», оно раскрывается не столько в характеристике предпочтений, сколько в способе принятия решений. Швейцарский социолог Р. Швери в самом общем виде определяет рациональность достаточно простой логической формулой: субъект никогда не выберет альтернативу X, если в то же время доступна альтернатива Y, которая, с его точки зрения, предпочтительнее X (исходя из извлекаемой полезности) [Швери, 1997, с. 40]. Однако такой «алгоритм» рационального выбора возможен, если альтернативы сравнимы (имеют сопоставимые качественные характеристики), транзитивны (поддаются ранжированию по сходным признакам) и рефлексивны (эквивалентны самим себе и относительно стабильны), что достигается далеко не всегда. В Центральной и Юго-Восточной Европе в критических точках институционального развития основными конкурентами были республика и монархия, президентализм и парламентаризм, диктатура и демократия.

Во второй половине 1920-х годов стало ясно, что республика и президентализм институционально не способны противостоять авторитаризму. Санационный режим в Польше (1926–1939) с его масштабным репрессивным аппаратом, диктатура «адмирала без флота» М. Хорти в Венгрии (1920–1944), режим личной власти президента в Албании, провозгласившего себя королем Зогу I Скандербегом III (1928), регулярные политические перегрузки в Чехословакии, правый поворот в Европе и установление профашистских диктатур в монархиях Юго-Восточной Европы повлияли на образ президентской власти. Функции главы государства как верховного главнокомандующего вышли на первый план. Во второй половине 1930-х годов внешнеполитическая повестка стала основным занятием польского и чехословацкого президентов.

Межвоенный опыт обращает на себя внимание в части поиска ответа на вопрос: какой должна быть политическая роль президента для развития демократических практик и сохранения устойчивой государственности? Для многих политий этот вопрос актуален и сейчас, в том числе в посткоммунистическом ареале. В исследовательском плане небезынтересно включить в орбиту анализа субъ-

ектные факторы: личность главы государства, его политическую и идейную активность. Президенты Томаш Гаррик Масарик, Эдвард Бенеш, Игнацы Мосьцицкий и военные диктаторы Юзеф Пилсудский и Эдвард Рызд-Смиглы несомненно повлияли на образ президентской власти. Формула «сильная личность – слабый президент» подразумевала демократическое избрание незаурядной личности на пост главы государства, который будет лишен возможности принимать самостоятельные решения по существенным вопросам политической жизни. Ограничителями могут быть палаты парламента, правительство, суды, армия, партии [McCubbins, Haggard, 2001]. Поправки 1933 г., внесенные в Конституцию Чехословакии, и принятие новой конституции в Польше 1935 г.¹ показывают, что «сильный» президент, укрепляющий авторитет государства, вполне может быть связан «по рукам и ногам» ограничениями, делающими невозможным переход к президентской республике. Конституционные новеллы 1930-х годов открывали некоторые возможности усиления президентской власти, однако главный их смысл был в политической консолидации общества перед лицом внешних угроз.

С началом Второй мировой войны появляются не только правительства, но и президенты в изгнании. Если такой опыт для Чехословакии прекратился с восстановлением государства после разгрома нацизма, то для Польши такая практика продолжалась вплоть до декабря 1990 г. Глубокие политические разногласия внутри польского политического класса, связанные с советизацией страны, в частности, не позволили восстановить довоенные властные структуры. Малая конституция 1947 г. пунктом 2 провозглашала президента Польской Республики одним из трех высших институтов исполнительной власти наряду с Государственным советом и Правительством. Пункт 12 устанавливал порядок избрания президента сеймом на семилетний срок². До 1952 г., когда была принята Конституция Польской Народной Республики, ликвидировавшая пост президента, было два польских президента одновременно. Ситуация повторилась вновь в 1989–1990 гг. после восстановления поста президента и

¹ Ustawa Konstytucyjna z dnia 23 kwietnia 1935 r. Dz.U. 1935 nr 30 poz. 227. – Режим доступа: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19350300227/O/D19350227.pdf> (Дата посещения: 21.07.2019.)

² Ustawa Konstytucyjna z dnia 19 lutego 1947 r. – Режим доступа: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19470180071/O/D19470071.pdf> (Дата посещения: 21.07.2019.)

до сложения полномочий последнего президента Польши в изгнании Рышарда Качоровского¹ в связи с избранием Леха Валенсы главой польского государства на прямых выборах [MacMenamin, 2008, p. 121–137.].

Современные Словакия, Хорватия и Чешская Республика отрицают свою преемственность от марионеточных территориальных образований времен Второй мировой войны. Президент Первой Словацкой Республики (1939–1945) Йозеф Тисо был избран главой государства на основе предписаний Конституции Словацкой Республики, принятой Словацким сеймом в июле 1939 г., который был сформирован в декабре 1938 г. до провозглашения Словакией своей «независимости»². По истечении каденции сейма в 1943 г. новые выборы в этот орган власти не проводились. Президент обладал широкими конституционными полномочиями. Однако в условиях ограниченного суверенитета Тисо не мог действовать без согласования с военными и руководством нацистской Германии. В 1941–1943 гг. «независимое государство Хорватия» формально являлось монархией. Королем был Томислав II, правнук итальянского короля Виктора Эммануила II, ни разу не побывавший в своем «королевстве». Фактически же роль главы «государства» выполнял поглавник Анте Павелич. Устами был созван Сабор, который не выполнял функций парламентского органа. После отречения «короля» монархия была ликвидирована, функции поглавника и премьер-министра формально разделены. Все «государственные» предписания были прерогативой поглавника и правительства. Хорватские и зарубежные исследователи не без оснований называют «независимое государство» итальянским фашистским протекторатом, сравнимым с положением Черногории или Албании того же времени [Matković, 2002]. Ни о каком подобии президентской власти речь не может идти. Президент Чехословакии Эмиль Хаха, ставший по воле Гитлера в одночасье ранним утром 15 марта 1939 г. президентом протектората Богемии и Моравии (1939–1945), был лишен сколько-нибудь существенных полномочий, а сама «государственность» этого территориального образования была ничтож-

¹ Рышард Качоровски трагически погиб в авиакатастрофе под Смоленском 10 апреля 2010 г.

² Ústavný zákon č. 185/1939 Sl. z. zo dňa 21. júla 1939 o ústave Slovenskej republiky // Slovenský zákonník. Ročník, 1939. – čiastka 41, vydaná 31. júla. – S. 375–384.

ной. Таким образом, ни одна из этих правоэкстремистских фикций ни в какой момент своего существования не располагала легитимными институтами государства, поэтому какая-либо оценка состояния президентской власти, даже в сравнительно-историческом плане, не имеет смысла.

После упразднения монархии в странах Юго-Восточной Европы (в ноябре 1945 – декабре 1947 г.) были сформированы переходные правительства, а функции главы государства выполняли коллегиальные органы. Лишь в Венгрии законом «О государственной форме» в 1946 г. учреждался единоличный пост президента. Глава государства избирался парламентом сроком на два года. Президентом был избран Золтан Тилди. После парламентских выборов 1947 г. произошла стремительная советизация Венгрии, завершившаяся принятием в 1949 г. Конституции, провозгласившей народную республику и упразднившей пост президента. Аналогично политические процессы развивались в Польше, где с принятием в 1952 г. Конституции народной республики пост президента был ликвидирован. Конституция идеологически нового государства провозглашала своей основной целью «осуществление великих идей социализма»¹. Политическая практика коммунистического властвования лишила высшие органы государственного управления своей конституционной сути, поскольку в Конституцию было введено положение о руководящей роли одной партии. Только в Чехословакии конституционное право поддерживало традицию президентской власти, что было закреплено в Конституции 1948 г., одновременно с провозглашением народно-демократической республики. Институциональная конструкция власти была в целом сохранена и повторяла положения Конституции 1920 г. Вторая Конституция социалистической Чехословакии, принятая Национальным собранием 11 июля 1960 г., как и большинство восточноевропейских конституций 1950–1960-х годов, является свидетельством отрыва формального конституционализма от общественной реальности. Просуществовавшая до 1992 г. Конституция закрепляла руководящую роль Компартии (ст. 4, ст. 6, ст. 16)². Эта норма

¹ См.: Конституция Польской Народной Республики. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. – 44 с.

² См.: Чехословацкая Социалистическая Республика. Конституция и законодательные акты / под ред. и с вступ. ст. И.П. Ильинского. – М.: Прогресс, 1987. – 478 с.

была отменена только в 1989 г. По сравнению с Конституцией 1948 г. полномочия были перераспределены в пользу парламента. Асимметричное унитарное государственное устройство также претерпело изменения: автономные права Словакии были значительно сокращены вследствие упразднения органа исполнительной власти – Коллегии уполномоченных.

Период существования «народных демократий» вплоть до начала демократического транзита в Центральной и Юго-Восточной Европе (1989–1992) знает еще два случая социалистических президентур – в Югославии (в 1953–1980 гг.) и Румынии (в 1974–1989 гг.). Оба прецедента содержат внутренние противоречия между диктаторскими полномочиями президента и принципами коллегиальности государственного управления. Поправки 1953 г., внесенные в Конституцию Югославии 1946 г., фактически приблизили республику к кондициям чистой президентуры. Однако президент-диктатор избирался легислатурой, что не характерно для президентской формы правления. Конституция Югославии 1963 г. сняла ограничения каденций президентской власти, отделила функции председателя правительства и учредила пост вице-президента. Практика вице-президентства в Югославии оказалась чрезвычайно неудачной с политической точки зрения. В 1966 г. вице-президент Александр Ранкович оказался замешан в прослушивании президента Иосипа Броз Тито. Институционально вице-президент был слабой фигурой с ограниченным кругом полномочий, даже в случае вакансии должности президента. Он избирался Скупщиной одновременно с президентом на четыре года. В 1967 г. еще до истечения каденции должность вице-президента была упразднена. Однако в 1971 г. был учрежден новый коллегиальный орган власти – Президиум, в состав которого входили президент и представители союзных республик и автономных краев страны. Конституция 1974 г. сделала И. Броз Тито пожизненным президентом, после смерти которого его полномочия переходили к Президиуму, а его председатель сменялся ежегодно по ротационной формуле. По оценкам специалистов, расширение полномочий союзных республик и возвращение к коллегиальности в принятии общегосударственных решений способствовали распаду Югославии [Югославия... 2011]. В Румынии поправки 1974 г. в Конституцию 1965 г. учредили должность президента. Широкие полномочия главы государства, закрепленные в ст. 75, как и в Югославии,

учреждали президентуру диктаторского типа¹. При этом президент избирался Великим народным собранием и нес конституционную ответственность перед ним.

Решения в отношении президентской власти «народных демократий» в определенной мере стремились примирить институциональный импорт «из прошлого» и «из-за рубежа» с советскими идеологемами и диктаторскими амбициями политических лидеров. Воздерживаясь от оценки адекватности экспериментов институциональных дизайнеров общественным потребностям на том или ином этапе государственного развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы, подчеркнем, что нигде они не выдержали испытания демократическим транзитом конца 1980-х – начала 1990-х годов. Напротив, повсеместно президентская власть, ее наполнение действительным демократическим содержанием в сочетании с принципами легитимности и ответственности, стала одним из важнейших требований посткоммунистических трансформаций [Jedrzejowska, 2012]. Восстановление института президента в Польше (1989) и Венгрии (1990) явилось результатом политических договоренностей круглых столов. Это стало поворотным моментом в истории конституционализма, поскольку был ликвидирован коренной недостаток коммунистического властвования – коллегияльная безответственность.

Анализ процессов трансформации конституционного законодательства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы позволяет выявить две модели: реконструкции и демонтажа. Реконструкция предполагает освобождение конституционного права от формализма, направленное на действительную реализацию декларированных в конституционных актах коммунистического периода прав и свобод граждан, полномочий органов государственной власти в процессе складывания демократической политической системы. Нередко реконструкция связана с принятием временных или переходных конституций. Демонтаж предусматривает максимально возможный, в зависимости от конкретных социально-политических условий, отказ от конституционного наследия коммунистического прошлого и связан с формированием новых политических институтов, основанных на принципах современной политической демократии.

¹ *Constitutia Republicii Socialiste Romania. – 1965. – Режим доступа: <http://www.constitutia.ro/const1965.htm> (Дата посещения: 21.07.2019.)*

В отличие от реконструкции, демонтаж предполагает быструю замену конституций и длительный период адаптации. В модели реконструкции адаптация направлена не на приспособление институционального каркаса к новым конституционным нормам, а, напротив, на конституирование имеющихся политических практик. Итогом трансформации в обоих случаях является выработка нового конституционного законодательства, отвечающего потребностям демократического общества. Заметим, что все республики бывшей Югославии, за исключением Словении, сочетают признаки двух моделей. В Хорватии быстрая смена конституционной модели в 1991 г. потребовала значительной реконструкции в последующем [Kasapovic, 2008]. В других случаях сочетание моделей трансформации связано с постконфликтным урегулированием, учреждением государства или внешними ограничениями суверенитета.

Таблица 2

Варианты трансформации конституционного права в Центральной и Юго-Восточной Европе

<i>Реконструкция</i>	<i>Демонтаж</i>
Польша, Венгрия, Албания	Чешская Республика, Словакия, Румыния, Болгария, Словения
Хорватия, Сербия, Черногория, Северная Македония, Босния и Герцеговина, Косово	

Источник данных: составлено автором.

Сравнение объемов президентской власти с помощью индексов позволяет сопоставить значительное число характеристик форм правления в государствах Центральной и Юго-Восточной Европы. Нидерландский исследователь Андре Кроувел предлагает методику индексного исчисления уровня президенциализма в сопоставлении индексов двух «чистых» форм правления: президентской и парламентской [Krouwel, 2003]. Им выделены семь переменных: выборы президента, роспуск парламента, назначение кабинета, вотум доверия парламента кабинету, вотум недоверия парламента кабинету, право законодательной инициативы и право вето президента, полномочия президента в сфере исполнительной власти. Каждому признаку, характерному для президентской формы правления, и каждому признаку парламентаризма присваивает-

ся единица. В случае неполной ассоциации – 0,5. Показатели суммируются по семи переменным для каждой формы правления, т.е. абсолютный президентализм равен «ИПрез 7», абсолютный парламентаризм – «ИПар 7». Исчисление уровня президентской власти (УПрез) проводится по простой формуле:

$$\text{УПрез} = \text{ИПрез} - \text{ИПар}$$

Соответственно, положительные числовые значения характеризуют президентализм, а отрицательные – парламентаризм. По состоянию на середину 2019 г. индекс президентализма в Центральной и Юго-Восточной Европе выглядит следующим образом.

Таблица 3

Индекс президентализма в Центральной и Юго-Восточной Европе

№ п/п	Политическая система	Индекс президентской власти
1	Черногория	+1,0
2	Польша	+0,5
3	Словения	-0,5
4	Болгария	-1,0
5	Румыния	-1,5
6	Словакия	-2,0
7	Чешская Республика	-2,0
8	Хорватия	-4,5
10	Северная Македония	-4,5
11	Сербия	-4,5
9	Венгрия	-5,5
12	Босния и Герцеговина	-6,0
13	Косово	-6,0
14	Албания	-6,0

Источник данных: рассчитано автором.

Несомненным достоинством данной методики является наглядность в установлении баланса президентской и парламентской власти. Б.И. Макаренко отмечает, что «в итоге в Центральной и Юго-Восточной Европе сложились либо “канцлерские республики” с сильными премьерами и кабинетами и достаточно сильными парламентами, либо полупрезидентские системы, в рамках кото-

рых президент обладает важными полномочиями, но не становится единоличным главой исполнительной власти» [Макаренко, 2008, с. 118]. По сходству своего институционального дизайна стоит выделить три группы: а) полупрезидентские системы (Черногория, Польша, Словения, Болгария, Румыния); б) парламентские системы с относительно «сильным» президентом (Словакия, Чехия, Хорватия, Северная Македония, Сербия); в) парламентские системы со «слабым» президентом (Венгрия, Босния и Герцеговина, Косово, Албания). Стоит оговориться, что для Республики Сербской индекс президентской власти равен $-4,5$, а для Федерации Боснии и Герцеговины – $-5,0$. В то время как на общегосударственном уровне эта оценка равна $-6,0$ в силу двух внутренних обстоятельств: делегативного характера представительства этнитетов и ограниченности властных полномочий Президиума контрольными функциями Парламентской Скупщины Боснии и Герцеговины. Важнейшим внешним обстоятельством является ограничение суверенитета страны.

В Польше (1990), Хорватии (1992), Болгарии (1992), Словакии (1999) и Чехии (2013) произошел переход к прямым выборам главы государства. В процессе демократического транзита существенно изменились полномочия президента в Сербии и Хорватии. Постконфликтное урегулирование в Боснии и Герцеговине, Косово и Северной Македонии потребовало нестандартных институциональных решений, которые хотя и стабилизировали внутривнутриполитическую ситуацию, являются компромиссом, промежуточным итогом политических договоренностей. Конструкция президентской власти в Болгарии интересна наличием должности вице-президента. Эта должность – результат двойного институционального импорта. С одной стороны, вице-президент в Болгарии – наследник должности заместителя председателя Государственного совета, с другой – продукт компромисса, достигнутого круглым столом в 1990 г. [Andreev, 2008, p. 32–50]. Несмотря на свое гибридное происхождение и на то, что должность вице-президента в 1993–1997 гг. была вакантна (после отставки Благи Димитровой), эта институция выжила в условиях острой политической борьбы. Ограниченные полномочия вице-президента, исчерпывающе перечисленные в ст. 97 Конституции, как ни парадоксально, делают этот институт президентской власти достаточно устойчивым, а в

электоральном смысле полезным с точки зрения легитимности¹. Должность вице-президента в Республике Сербской и в Федерации Боснии и Герцеговины скорее сходна по своему институциональному назначению с коллегиальностью Президиума Боснии и Герцеговины и выполняет функцию этнического представительства, демонстрирует стремление элит к этическому паритету².

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы не демонстрируют шаблонных институциональных решений, в каждой из них обнаруживается своя специфика формы правления, наиболее четко фиксируемая при изучении позиций властных институтов относительно главы государства. Во всех странах региона центром исполнительной власти является правительство во главе с премьер-министром. Как полагает Н.И. Бухарин, в большинстве посткоммунистических стран Европы та роль, которую в системе разделения властей играют премьеры, очень близка к роли канцлеров в Германии и Австрии [Бухарин, 2004]. Такое сравнение вполне корректно и в отношении модели с относительно «сильным» президентом (Словакия, Чехия, Хорватия, Северная Македония, Сербия).

Институциональный выбор формы правления в посткоммунистической Европе ограничен не только конъюнктурой демократического транзита, но и невозможностью выхода за пределы республиканизма, теории парламентского и полупрезидентского правления, что объясняется не столько рациональностью выбора, сколько отсечением альтернатив, повышающих транзакционные издержки политических акторов. Первоначально механизм реконструкции конституционного права не воспринимался политическими элитами как достаточно эффективный. Однако случаи Польши и Венгрии показывают, что по мере совершенствования отношений демократических институтов власти модель реконструкции оказалась приемлемым вариантом развития посткоммунистического конституционализма [см., например: Tomaszewski, 2018]. В Албании, прошедшей через ряд политических кризисов, институциональный баланс сместился в пользу парламентаризма. Вместе с тем данная модель не может претендовать на универсальность,

¹ Constitution of the Republic of Bulgaria. – Режим доступа: <https://www.parliament.bg/en/const/> (Дата посещения: 21.07.2019.)

² Constitution of Bosnia and Herzegovina. – Режим доступа: http://www.ccbh.ba/public/down/USTAV_BOSNE_I_HERCEGOVINE_engl.pdf (Дата посещения: 21.07.2019.)

равно как и демонтаж конституционного права «реального социализма» сам по себе не приводит к оптимизации транзакционных издержек (Словакия, Чехия, Хорватия). Модернизация политической системы требует дополнительных инвестиций в процессе формализации, институционализации и последующей легитимации институтов. Проблемы институционального порядка могут возникать вновь [см., например: Ведерников, 2019, с. 59–66].

Оценка состояния президентской власти в посткоммунистической Европе требует учета субъективных факторов. В первую очередь, анализу подлежат лидерские качества президентов, масштаб их властных претензий, а также способы разрешения институциональных и межличностных конфликтов с участием главы государства. Безусловно, такие сильные политические лидеры, как Вацлав Гавел, Арпад Гёнц, Лех Валенса, Слободан Милошевич, Франьо Туджман, Алия Изедбегович, Ибрагим Ругова и немногие другие политики на посту главы государства в силу собственной харизмы стремились к расширению президентской власти в своих странах [Taras, 1989; Taras, 1997; Краснов, 2015]. Здесь мы сталкиваемся с явлением, которое было названо Юном Элстером «институциональным интересом» [Элстер, 1996, с. 34], суть которого заключается в стремлении актора, связывающего свое будущее с определенным институтом, закрепить за этим институтом привилегированное положение. Борьба акторов за институты утрачивает ориентацию на общее благо.

Так, президенты Л. Валенса и В. Гавел в своих странах, имея возможность участвовать в выработке конституционных норм, пытались расширить полномочия главы государства, а парламенты, в свою очередь, оказывали сопротивление. В 2012 г. конфликт между президентом и парламентом вокруг финансирования программ социального развития привел к политическому кризису в Румынии. Попытки парламента отправить президента Т. Бэеску в отставку провалились, а за время кризиса в стране сменилось четыре кабинета министров. Не менее острой была борьба между президентами и «сильными» премьерами [Sedelius, 2006]. В отношениях между президентом Словакии М. Ковачем и премьером В. Мечьяром сложились непреодолимые противоречия, в основном ввиду авторитарных устремлений последнего. В марте 1994 г. президент Ковач воспользовался своим конституционным правом представления Национальному Совету докладов о состоянии Словакии, выступив

с резкой критикой в адрес авторитарного премьера. Досрочные выборы осени 1994 г. вновь осложнили отношения между правительством и президентом. М. Ковач, после победы на выборах Движения за демократическую Словакию, отказывался назначить В. Мечьяра на пост премьер-министра и предлагал парламенту самостоятельно сформировать различные коалиции. Одновременно шли кулуарные переговоры с демократическими партиями о смещении М. Ковача с поста президента страны. После возвращения В. Мечьяра в кресло премьера и «малой ноябрьской социалистической революции» конструктивное сотрудничество между президентом и правительством стало вообще невозможным. Серьезный политический конфликт по вопросам приватизации в конечном счете переродился в личный конфликт Ковача и Мечьяра. Мечьяризм прибегал к откровенно криминальным методам борьбы со своими политическими противниками. В противостоянии с президентом режим пошел на прямой шантаж. Летом 1995 г. был похищен и вывезен в Австрию сын М. Ковача. Хотя следствие не установило причастность В. Мечьяра к преступлению, подозреваемыми по делу оказались ближайшие соратники премьера.

При этом очевидно возникают противоречия между краткосрочными и долгосрочными выгодами конкурирующих акторов. Осознавая временность занимаемых ими положений, акторы с рациональной точки зрения должны стремиться к установлению таких институтов, которые продвигают их интересы, но в то же время защищают их в случае прихода к власти оппонентов. Ориентация на долгосрочные интересы ведет к выработке норм, усложняющих процедуру изменения формальных институтов, что обеспечивает им относительную стабильность [Lijphart, 2010]. Соответственно, чем дольше существуют институты, тем больших издержек требуют институциональные изменения.

Быстро исчерпанные механизмы негативной институционализации на этапе либерализации дали мощный, но сравнительно кратковременный (особенно в модели демонтажа конституционного права) импульс позитивной институционализации демократических норм. Так, вполне объяснимым выглядит выбор в пользу «импорта из прошлого», обладающего большей легитимностью по сравнению с иными механизмами институционализации. Фиксируемые девиации (отклонения от исходного образца) президентской власти следует оценивать с точки зрения снижения / повыше-

ния транзакционных издержек. В связи с этим наиболее значимым показателем выступает институциональный баланс / дисбаланс, рассмотренный нами на примере президентур. Польская и словенская модели полупрезидентской республики демонстрируют приближение к искомому балансу институтов, но даже они не гарантируют, хотя и существенно снижают, риски возникновения институциональных конфликтов, в отличие от румынского, черногорского или болгарского случаев. В остальных приведенных нами примерах сложились парламентские системы, существенно ограничивающие президентскую власть, причем венгерский вариант «сверхсильного» парламента способствует минимизации транзакционных издержек при крайнем дисбалансе в сфере разделения властей. Возможные конфликты в Венгрии по преимуществу «переведены» из межинституциональных во внутрипарламентские. Случаи президентизма в Чехии и Словакии, несмотря на их «историческую» близость, по своим институциональным характеристикам значительно различаются. Чешская политическая система с относительно «сильным» президентом выглядит более сбалансированной, хотя риски институциональных конфликтов нельзя назвать минимальными, однако по сравнению со Словакией они существенно ниже. В Словакии, Албании, Сербии, Хорватии, Северной Македонии президентская власть еще не обрела своего институционального оптимума, что выражается в деформациях режимных характеристик, множественности институциональных конфликтов, высоких транзакционных издержках. Особняком стоят политико-правовые проблемы президентской власти в Косово и Боснии и Герцеговине, где низкая институционализация политических систем в условиях ограниченного суверенитета затрудняет оценку ее состояния.

Манипулятивные возможности, предоставляемые институциональным дизайном посткоммунистических стран Европы, обратно пропорциональны укорененности важнейших институтов политической демократии. Слабое проявление демократических ценностей, формальная им приверженность элит и безразличие со стороны граждан понижают манипулятивные барьеры, что приводит к дестабилизации политических институтов, включая институт президента, снижению их легитимности. Напротив, активное освоение соответствующих ценностей сокращает простор для институционального манипулирования.

Список литературы

- Бухарин Н.И.* Разделение властей в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // *Власть*. – 2004. – № 1. – С. 66–74.
- Ведерников М.В.* Президентские выборы в Словакии 2019 года как кризис доверия власти // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. – 2019. – № 2. – С. 59–66.
- Гаджиев Х.А.* Эффективность президентской власти: критерии оценки // *Вестник российской нации*. – 2018. – № 1(59). – С. 131–144.
- Золов В.В.* Формы правления спорных государств: на примере республик Косово и Южная Осетия // *Реформы и право*. – 2015. – № 3. – С. 63–77.
- Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева*. – М.: ИСП РАН, 2006. – 586 с.
- Краснов М.* «Монархизация» президентской власти // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2015. – № 5(108). – С. 87–103.
- Макаренко Б.И.* Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации // *Полития*. – 2008. – № 3. – С. 105–125. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2008-50-3-105-124>
- Панов П.В.* Институционализм рационального выбора // *Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева*. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 43–92.
- Тарасов И.Н.* Выбор формы правления как институциональная проблема посткоммунизма: опыт стран Центрально-Восточной Европы // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. – 2010. – Т. 6, № 1. – С. 83–94.
- Швери Р.* Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм // *Вопросы экономики*. – 1997. – № 7. – С. 35–51.
- Элстер Ю.* Роль институционального интереса в разработке восточноевропейских конституций // *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. – 1996. – № 2. – С. 33–35.
- Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. К.В. Никифоров*. – М.: Индрик, 2011. – 888 с.
- Andreev S.A.* Semi-Presidentialism in Bulgaria: The Cyclical Rise of Informed Powers and Informal Powers and Individual Political Ambitions in a Dual Perspective // *Semi-Presidentialism in Central and Eastern Europe*. – Manchester: Manchester univ. press, 2008. – P. 32–50.
- Brunclík M., Kubát M.* Semi-Presidentialism, Parliamentarism and Presidents: Presidential Politics in Central Europe. – London; N.Y.: Routledge, Taylor et Francis Group, 2019. – 170 p.
- Jedrzejowska I.* Constitutional Terminology in Transition: The drifting Semantics of the Supranational Discourse under Negotiation. – Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag, 2012. – 239 p.
- Kasapovic M.* Semi-Presidentialism in Croatia // *Semi-Presidentialism in Central and Eastern Europe*. – Manchester: Manchester univ. press, 2008. – P. 51–64.

- Krouwel A.* Measuring presidentialism and parliamentarism: An Application to Central and East European Countries // *Acta Politica*. – 2003. – N 4 (38). – P. 333–364. – DOI: <https://doi.org/10.1057/palgrave.ap.5500041>
- Lijphart A.* Parliamentary versus presidential government. – Oxford: Oxford univ. press, 2010. – 257 p.
- MacMenamin I.* Semi-Presidentialism and Democratisation in Poland // *Semi-Presidentialism in Central and Eastern Europe*. – Manchester: Manchester univ. press, 2008. – P. 121–137.
- Matković H.* Povijest Nezavisne Države Hrvatske. – Zagreb: Naklada Pavičić, 2002. – 332 s.
- McCubbins M.D., Haggard S.* Presidents, Parliaments, and Policy. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2001. – 359 p.
- Mettenheim K. von.* Presidential Institutions and Democratic Politics: Comparing Regional and National Contexts. – Baltimore: Hopkins, 2011. – 303 p.
- Sedelius T.* The Tug-of-War between Presidents and Prime Ministers Semi-Presidentialism in Central and Eastern Europe. – Örebro: Örebro universitetsbibliotek, 2006. – 318 p.
- Semi-Presidentialism in Central and Eastern Europe / R. Elgie, S. Moestrup (eds.)* – Manchester: Manchester univ. press, 2012. – 282 p.
- Taras R.* Leadership change in Communist states. – Boston: Unwin Hyman, 1989. – 210 p.
- Taras R.* Postcommunist Presidents. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1997. – 250 p.
- Tomaszewski W.* Proces przygotowania i uchwalenia Konstytucji RP z 2 kwietnia 1997 roku w aspekcie doświadczeń ustrojowych oraz prac nad nową konstytucją. – Olsztyn: IPN UWM, 2018. – 187 s.

I.N. Tarasov*

**Presidential power in the countries of Central and Southeast Europe:
the game of institutional designers or the search for equilibrium?**

Abstract. The objects of study are 14 relatively holistic political systems located today in Central and Southeastern Europe. Socio-political processes in these polities occur with varying intensity, causing one or another image of their institutional design. One of the main problems of post-communist Europe to this day remains the question of the interaction and effectiveness of various institutions of power, first of all, the president, the parliament and the government. There are at least three major critical points of the institutional development of the polities under study in the twentieth century: the constitutional process of the 1910 s – 1920 s, the formation of «people's democracy» of the 1940 s. and the post-communist transformation of the late 1980 s – early 1990 s. Institutional import «from the past» for various reasons prevails. From the standpoint of the theory of rational choice at the critical points of institutional development, the main competitors were the republic and the monarchy, presidential and par-

* **Tarasov Ilya**, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia),
e-mail: ITarasov@kantiana.ru

liamentary systems, dictatorship and democracy. Analysis of the transformation processes of constitutional legislation in the countries of Central and Southeastern Europe makes it possible to identify two models: reconstruction and dismantling. The article presents the results of comparing the volume of presidential power using indexes according to the Krouwel-method. Institutional choice in post-communist Europe is limited not only by the transit situation, but also by the impossibility of going beyond the limits of republicanism, the theory of parliamentary and semi-presidential rule. This is explained not so much by the rationality of choice, as by cutting off alternatives that increase the transaction costs of political actors. The institutional interests of actors in the context of post-communism turned out to be directly related to the desire to achieve, maintain or strengthen their privileged position. Hence, the wide practice of manipulating institutions. The manipulative possibilities offered by the institutional design of post-communist countries in Europe are inversely proportional to the rootedness of the most important institutions of political democracy.

Keywords: presidential power; Central Europe; Southeast Europe; institutional design; post-communism; import institutions.

For citation: Tarasov I.N. Presidential power in the countries of Central and Southeast Europe: the game of institutional designers or the search for equilibrium? *Political science (RU)*. 2019, N 4, P. 127–150. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.04>

References

- Andreev S.A. Semi-Presidentialism in Bulgaria: The Cyclical Rise of Informed Powers and Informal Powers and Individual Political Ambitions in a Dual Perspective. *Semi-Presidentialism in Central and Eastern Europe*. Manchester: Manchester univ. press, 2008, P. 32–50.
- Brunclik M., Kubát M. *Semi-Presidentialism, Parliamentarism and Presidents: Presidential Politics in Central Europe*. London; N.Y.: Routledge, Taylor et Francis Group, 2019, 170 p.
- Bukharin N.I. Separation of powers in Central and Southeast Europe. *Vlast*. 2004, N 1, P. 66–74. (In Russ.)
- Elgie R., Moestrup S. (eds.) *Semi-Presidentialism in Central and Eastern Europe*. Manchester: Manchester univ. press, 2012, 282 p.
- Elster J. The role of institutional interest in drafting Eastern European constitutions. *Constitutional Law: Eastern European Review*. 1996, N 2, P. 33–35. (In Russ.)
- Gadzhiev H.A. Effectiveness of presidential power: criteria for evaluation. *Vestnik Rossijskoj Nacii (Bulletin of Russian Nation)*, 2018, N 1(59), P. 131–144. (In Russ.)
- Institutional Political Science: Modern Institutionalism and Political Transformation of Russia*. Ed. by S.V. Patrushev, Moscow: ICP RAS, 2006, 586 p. (In Russ.)
- Jedrzejska I. *Constitutional Terminology in Transition: The drifting Semantics of the Supranational Discourse under Negotiation*. Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag, 2012, 239 p.

- Kasapovic M. Semi-Presidentialism in Croatia. In: *Semi-Presidentialism in Central and Eastern Europe*. Manchester: Manchester univ. press, 2008, P. 51–64.
- Krasnov M. «Monarchization» of presidential power. *Sravnitelnoe Konstitutsionnoe Obozrenie (Comparative Constitutional Review)*, 2015, N 5(108), P. 87–103. (In Russ.)
- Krouwel A. Measuring presidentialism and parliamentarism: An Application to Central and East European Countries. *Acta Politica*, 2003, N 4(38), P. 333–364. <https://doi.org/10.1057/palgrave.ap.5500041>
- Lijphart A. *Parliamentary versus Presidential Government*. Oxford: Oxford univ. press, 2010, 257 p.
- MacMenamin I. Semi-Presidentialism and Democratisation in Poland. *Semi-Presidentialism in Central and Eastern Europe*. Manchester: Manchester univ. press, 2008, P. 121–137.
- Makarenko B.I. Post-Communist States: Some Results of Transformation. *Politeia*. 2008, N 3, P. 105–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2008-50-3-105-124>
- Matković H. *History of the Independent State of Croatia*. Zagreb: Naklada Pavičić, 2002, 332 s. (In Croat.)
- McCubbins M.D., Haggard S. *Presidents, Parliaments, and Policy*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2001, 359 p.
- Mettenheim K. von. *Presidential Institutions and Democratic Politics: Comparing Regional and National Contexts*. Baltimore: Hopkins, 2011, 303 p.
- Panov P.V. Institutionalism of rational choice. *Institutional Political Science: Modern Institutionalism and Political Transformation of Russia*. Ed. by S.V. Patrushev, Moscow: ICP RAS, 2006, P. 43–92. (In Russ.)
- Schwery R. Rational Choice Theory: Universal or Economic Imperialism. *Voprosy Ekonomiki*, 1997, N 7, P. 35–51. (In Russ.)
- Sedelius T. *The Tug-of-War between Presidents and Prime Ministers Semi-Presidentialism in Central and Eastern Europe*. Örebro: Örebro universitetsbibliotek, 2006, 318 p.
- Taras R. *Leadership change in Communist states*. Boston: Unwin Hyman, 1989, 210 p.
- Taras R. *Postcommunist Presidents*. Cambridge: Cambridge univ. press, 1997, 250 p.
- Tarasov I.N. The Choice of the Form of Government as an Institutional Problem of Post-Communism: the Experience of the Countries of Central and Eastern Europe. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEX*. 2010, N 1(6), P. 83–94. (In Russ.)
- Tomaszewski W. *The process of preparation and adoption of the Constitution of the Republic of Poland of April 2, 1997 in the aspect of systemic experience and work on a new constitution*. Olsztyn: IPS UWM, 2018, 187 s. (In Polish)
- Vedernikov M.V. Presidential elections in Slovakia in 2019 as a crisis of confidence in the authorities. *Scientific and analytical herald of IE RAS*, 2019, N 2, P. 59–66. (In Russ.)
- Yugoslavia in the XX century: Essays on political history*. Ed. by K.V. Niliforov, Moscow: Indrik, 2011, 888 p. (In Russ.)
- Zolov V.V. Forms of government of controversial states: the example of the republics of Kosovo and South Ossetia. *Reformy i pravo*. 2015, N 3, P. 63–77. (In Russ.)